

Эротическое сопрано Казарновской

Общая газета,
— 1998, — 12-18 нояб., — с. 10

Звезда современной оперы будет петь джаз

ЛЮБОВЬ Казарновская пела в «Отелло» с Доминго, а в «Паяцах» — с Паваротти. Режиссер Сергей Соловьев, услышав ее Леонору в «Силе судьбы», решил ключевую задачу своего нового фильма «Иван Тургенев. Метафизика любви». Он нашел для него главного героя — голос Полины Виардо. Казарновская, пожалуй, самая темпераментная примадонна сегодняшней оперы, завсегда давая афиш «La Scala», «Metropolitan», «Covent-Garden», Wiener Staatsoper и «Opera de Bastille», в это воскресенье со сцены Большого зала консерватории споет и джаз в концерте из произведений Джорджа Гершвина.

— Общественное мнение называет вас «самым горячим, эротическим» сопрано. Примадонна — это прежде всего недосыгаемость, а как не захотеть прикоснуться к «эротическому сопрано»!

— Наше время трансформировало само понятие «примадонна». Скотто, Каллас, Кабалье, Тебальди были «неприкасаемые». Сегодня же, может, из-за того, что мы так повязаны с телевидением, газетами и рекламой, наше отношение к этому изменилось. К примеру, в Голливуде можно подойти и потрогать звезду. И я даже рада, что какие-то киношно-голливудские вещи применимы и к нашей сфере.

— Вам тесны рамки оперной дивы?

— Мне тесно даже в рамках своих голосовых возможностей. Думаю, каждый артист приходит к какой-то черте своего творчества, когда ему просто становится скучно работать только в своем родном жанре, стандартно пряча себя в его упаковку. И я хочу попробовать испытать себя в совершенно разных ипостасях. А из рядового спектакля ника-

Фото из архива

Западные фотографы охотно избирают Казарновскую в качестве музы

кого события не сделаешь, как ни пыжешься: если только ты не Паваротти, за которым все медиа бегают. Но, конечно, основа, мой стержень — это классическое оперное пение.

— Но подобные демократические заигрывания с публикой, не испытывают ли они оперный жанр на прочность?

— Потому что в поисках демократизма жанра мы уходим от его высокого, большого стиля. И тут надо очень хорошо ощущать, до какой степени с оперой можно идти в массы. Искусство нельзя превращать в чистый бизнес. Любая золотая жила со временем иссякает. Так уже вышли в тираж «концерты грех теноров» или оперные постановки

в естественных декорациях реального места действия, направленные именно на популяризацию жанра. Нельзя забывать и о том, что оперу губит и узость мышления, заикленность, даже дубовость, которая в каком-то смысле ей присуща из-за условности, от которой никуда не деться. И чем больше приходит в оперу людей, владеющих разными стилями и возможностями, тем больше шансов у нее дожить до конца XXI века. Может быть, и нам удастся сделать что-нибудь достойное на сцене Большого зала консерватории в концерте, где двух «классиков» — меня и Николая Петрова — оттеняет джаз-оркестр Олега Лундстрема.

— Для оперного певца джаз — это серьезное искусство или баловство?

— В школе, занимаясь в джазовой студии, я пела и фантазии Дюка Эллингтона, и подражания Элле Фицджеральд. Но для Гершвина, мне кажется, слово «джаз» не совсем приемлемо. Потому что Гершвин в смысле пения и интерпретации находится на стыке жанров: это уже не классика, но еще не джаз. Не случайно это единственный джаз, допущенный в оперную святая святых «La Scala». Гершвин невероятно талантливый мелодист. Поэтому все, что ты поешь из Гершвина, не противно настоящей вокальной природе. И, кстати, красота его мелодики

зависит от способности певца красиво ее озвучить. Как раз поэтому, я думаю, джазовые певцы поют Гершвина хуже, чем не джазовые.

— И все-таки джаз — и Гершвин тут не исключение — это воплощение свободы в музыке, которая в принципе губительна для исполнителей академических жанров.

— Да, есть опасность. Но ведь раньше певцов не делили по амплу и стилям. Были просто хорошие певцы, которые при соответствующем владении звуком могли петь всё. И плохие певцы, которые придумывали себе специализацию. Надо просто уметь владеть своим инструментом так, чтобы каждый раз он звучал с подобающим ситуацией флером и необходимой пропорцией стилистических «специй».

— Импровизация — идеология джаза, в ней есть своеобразный риск. А насколько прочную карьеру можно построить на риске?

— Я вижу, что достаточно прочную. Конечно, зачастую люди просто эпатируют публику. Подобный пустой эпатиж не для меня. Я могу позволить себе экстравагантный костюм или жест, но все это только для создания стиля и образа. И в Гершвине момент импровизации будет хорошо отрететирован, потому что я прекрасно понимаю: импровизировать, как настоящий джазовый исполнитель, я не могу.

Беседовала

Мария БАБАЛОВА

Персональный спонсор выступления Любови Казарновской в концерте 15 ноября «Гершвин — любовь моя!» в Большом зале консерватории — итальянский меховой салон «Баркарولا»